

**ТАЙНА
ХРОМАТИКИ**
Том 2

Евгений Фюжен

Евгений Фюжен

Тайна Хроматики. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73268918

SelfPub; 2026

Аннотация

Детектив, видящий эмоции через цвета, и слепой инспектор исследуют исчезновение языка в городе, захватываемом мистическим Хором. Когда слова теряют смысл, а реальность становится белым шумом, они должны найти способ остановить сущность, пожирающую самую основу человеческого сознания – память и идентичность. История о том, что когда язык умирает, умирает и мы сами.

Содержание

Глава 1. «Красный снег»	4
Глава 2. «Словарь без слов»	11
Глава 3. «Грехи отцов»	17
Глава 4. «Слепая октава»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Фюжен

Тайна Хроматики. Том 2

Глава 1. «Красный снег»

Снег над Красным кварталом падал беззвучно. Не тихо – именно беззвучно, словно кто-то вырезал звуковую дорожку из реальности, оставив лишь движение белых хлопьев, которые касались губ Элиаса и таяли, не оставляя влаги, а оставляя привкус... ничего. Буквально. Он выдохнул, и его дыхание не облачилось в пар. Температура была, но её не было. Это было первое, что он почувствовал, выйдя из машины.

Здесь, на углу Малой Конюшенной и Кровавого переулка, зима потеряла смысл.

– Слышишь? – Грифф стоял рядом, опираясь на трость из чёрного дерева, его лицо было поднято к небу, где снежинки застывали в воздухе, не касаясь его щёк. – Тишина... не пустая. Она *наполненная*. Как барабан перед ударом.

Элиас кивнул, потом вспомнил, что Грифф не видит жестов. Но прежде чем он успел произнести слова, его внутренний пассажир заговорил за него.

«Они полны. Они едят звук, чтобы насытиться смыслом», – прошептал Линзовщик в глубине грудной клетки, голосом, который теперь звучал не как эхо, а как скрип ста-

рых петель. *«Не заходи туда, Хроматик. Это не моя работа. Это – вышестоящая инспекция».*

Элиас проигнорировал его. Он посмотрел на здание театра «Альбатрос».

Театр стоял, как разбитый зуб, в ряду каменных фасадов. Не заброшенный – забытый. Даже плакаты у входа были чистыми, но пустыми: бумага жёлтая, краски выгорели, оставив только контуры, в которых Элиас попытался разглядеть цвета. Он всегда видел цвета вокруг старых вещей – охру тоски, зелень забвения, фиолетовое одиночество. Но сейчас, глядя на «Альбатрос», он видел только *белое*.

Не снег. Не туман. Белое.

Ахромат, который он считал побеждённым, вернулся. И он был голоднее, чем когда-либо.

– Внутри, – сказал Элиас вслух, и его голос прозвучал странно – плоско, двумерно, словно слова теряли объём, едва покидая губы. – Пять тел. Может, шесть. Я не вижу их эмоций.

Грифф повернул голову. Его глаза за толстыми матовыми очками были мутными, но зрачки сужались, пытаясь уловить то, что он не мог видеть глазами.

– Я вижу их, – прошептал Грифф. Он постукал тростью по мостовой, и звук пошёл вперёд, как радар, отражаясь от стен и возвращаясь к нему в виде силуэтов. – Стоят. Вертикально. Руки опущены. Нет... руки согнуты. Они что, молятся?

– Хуже, – Элиас пошёл к двери. – Они поют.

Внутри театр пах не сыростью, как следовало бы ожидать от здания, закрытого с лета. Он пах *пересушенностью*. Как старая бумага в архиве, как пустой кембрийский сланец. Воздух был наэлектризован, но не энергией – отсутствием её. Каждый шаг Элиаса отдавался глухо, словно он ходил по слою ваты, устланной поверх паркета.

Зал был маленьким – на сотню мест. Красные бархатные кресла выцвели до цвета розовой грязи, но стояли ровными рядами, словно зрители только что встали на антракт. Но не встали. Они остались.

В центре сцены, под разбитым люстровым стеклом, стояли они. Пятеро. Подростки, судя по одежде – пальто, шляпы-котелки, одетые иначе, чем следовало бы для холода. Они стояли полукругом, как хор перед дирижёром лицом к пустому пространству. Их глаза были закрыты. Не веки – они были открыты, но зрачки были зачеканены белым воском, как свечи.

И они пели.

Элиас остановился, и мир качнулся. Не физически – он потерял ориентацию в цвете. Обычно, даже в полной темноте, он видел спектр: красное пульсирование своего сердца, синие волны крови в висках, золотистые искры мыслей. Но сейчас, когда звук достиг его, всё стало белым.

Пение было без слов. Чистые гласные – «а-а-а», «о-о-о», «у-у-у» – перетекали друг в друга, создавая гармонию, которая не была музыкой. Это была *структура*, архитектура зву-

ка, укладываемая в мозгу стенами. И эти стены строились из пустоты. Слушая, Элиас почувствовал, как из его памяти начинает исчезать слово «красный». Не цвет – само слово. Он знал, что такое красное, видел его, но название стёрлось, как надпись на мокром песке.

«*Это они*», – Линзовщик вздрогнул внутри него, и Элиас почувствовал это как спазм в диафрагме. «*Белый хор. Я был их инструментом, я был флейтой. А они – дирижёры. Они не хотят твоих глаз, Хроматик. Они хотят твоего имени*».

– Заткнись, – выдохнул Элиас, и сам не понял, сказал ли он это вслух или мысленно. Он подошёл ближе. К подросткам.

Ближайший – мальчик лет шестнадцати, в сером пальто с отложным воротником – стоял неподвижно, но Элиас видел, как дрожат его веки. За белой плёнкой под ними двигались зрачки. Он был жив. Они все были живы. Но пели.

Элиас протянул руку. Он хотел коснуться плеча мальчика, остановить вибрацию. Но в тот момент, когда его пальцы оказались в сантиметре от ткани пальто, мальчик открыл рот шире.

И вышел звук.

Не громкий – *концентрированный*. Звук, имеющий вес и цвет. И этот цвет был белым.

Элиас отлетел назад, ударившись спиной о красное бархатное кресло. Он не упал, но ощутил что-то невыносимое – в ушах не зазвенело, в ушах *замолчало*. Полная акустиче-

ская пустота, после которой мозг, лишённый входящих данных, начал генерировать галлюцинации. Элиас увидел, как воздух перед ним заполнился буквами – плавающими, размытыми буквами его собственного имени, которые распались на части, теряя черты, превращаясь в случайные линии, а затем в пустоту.

– Элиас! – Грифф схватил его за рукав, его пальцы были железными. – Отвернись! Не слушай!

– Я не слушаю, – прохрипел Элиас, чувствуя, как по щеке течёт тёплая влага. Кровь из носа. Он вытер её рукавом, и след был красным – нет, не красным. Бесцветным. Красный цвет исчез из его восприятия. Мир стал чёрно-белым, но не как старая фотография. Белым.

«Они поют тебя», – прошептал Линзовщик, и в его голосе впервые не было насмешки или угрозы. Был страх. «Они вычищают твою историю, чтобы освободить место для себя. Ты – страница, которую они хотят стереть».

Элиас попытался встать. Мир качнулся. Он посмотрел на сцену. Пятеро подростков повернули головы – синхронно, как марионетки на одной нити – и направили лица прямо на него. Их пение изменилось. Оно стало узнаваемым.

Они пели не гласные.

Они пели *его* имя.

Не «Э-ли-ас». Они пели его полное имя – то, которое он не произносил с детства, которое было выбито на серебряных часах, которые он носил в кармане. Они пели его так,

как пишут на могильных плитах. Медленно. С выдохом на конце.

И с каждой нотой Элиас чувствовал, как что-то уходит. Не память. Хуже. *Связь* между воспоминаниями. Он помнил лицо матери, но не мог вспомнить, как её звали. Он помнил запах Лили, но не мог соединить его с образом.

– Я... забыл, – выдохнул он, и это были последние слова, которые он смог произнести, прежде чем язык отказался двигаться.

Грифф рванул его к выходу. Слепой инспектор двигался по эху, безошибочно находя проход между креслами, таща друга за собой. Они выбежали на улицу, в снег, в тишину, которая теперь казалась глотком чистого воздуха.

Элиас упал на колени на мостовую. Он схватился за голову. Внутри него Линзовщик дрожал, свернувшись калачиком, прячась в самом тёмном углу его сознания.

На снегу перед ним были следы. Не их. Чужие. Босые. Много – сотни следов, уходящих к театру, но не возвращающихся.

И вдруг, сквозь белый шум в голове, Элиас услышал голос. Не шёпот Линзовщика. Не голос Гриффа.

Женский. Знакомый.

Изнутри театра доносилось пение, но теперь это была одна нота – «и-и-и» – и она звучала как смех.

Как смех Миру.

– Она там, – прохрипел Элиас, поднимаясь. Его глаза за

матовыми стёклами очков были широко раскрыты, но зрачки были белыми, как у подростков внутри. – Она внутри. Они её... переписали.

Грифф замер. Его трость выпала из рук, упав в снег беззвучно.

– Тогда мы идём за ней, – сказал он. – Но не сейчас. Сейчас мы бежим. Потому что если мы забудем, зачем мы здесь, мы станем следующими куплетом.

Они побежали, скользя по льду, оставляя за собой следы, которые снег тут же заметал, стирая их из истории, как будто их никогда не существовало.

В окне театра, за разбитым стеклом, на мгновение мелькнуло лицо. Белое, без глаз, с открытым ртом, из которого шёл пар.

Оно смотрело на убегающих Элиаса и Гриффа.

И продолжало петь.

Глава 2. «Словарь без слов»

Путь к «Белому Лемуру» занял семь минут или семь часов – Элиас не мог различить. Время текло иначе, когда язык трещал по швам. Он пытался назвать происходящее про себя: *бег, улица, холод*, но слова распадались в момент рождения, превращаясь в беззвучные ротирования губ. Он видел концепции – красный знак остановки, серую стену, чёрную тень – но когда пытался присвоить им имена, в голове возникала только белая вибрация, как от удара в колокол, покрытый снегом.

Грифф вёл его за локоть, его пальцы впивались в пальто силами хирурга, пришивавшего конечность к телу. Слепой инспектор двигался уверенно, его трость стучала по мостовой ритмом, который Элиас перестал понимать. Это была музыка без нот, просто удары – глухие, сухие, бессмысленные.

– Мы почти у цели, – говорил Грифф, и его слова звучали в ушах Элиаса как булькающая вода. – Держись за мой голос. Не думай о словах. Думай о... о...

Он замялся. Замолчал.

– О чём? – спросил Элиас, и услышал свой голос чужим, искажённым, как через воду.

– Я забыл слово, – прошептал Грифф. Его лицо побелело. – Я хотел сказать «текстуре», но это не то. Я хотел ска-

зать... *ощущение*? Нет. Это тоже не то. Чёрт.

Они остановились на перекрёстке. Машины проезжали мимо, но их гудки не были звуками – они были вспышками белого света в воздухе, не оставляющими эха. Город терял словарь.

«Белый Лемур» встретил их запахом воска и гнили. Но теперь это была не гнилая бумага, а гнилая *идея*. Воздух в библиотеке был тяжёлым, как в комнате, где долго не проветривали, но Элиас чувствовал, что тяжесть эта не физическая – это вес тысяч страниц, которые внезапно стали пустыми.

Миру сидела за столом в центре зала. Она не двигалась. Её руки лежали на раскрытом фолианте, но пальцы не скользили по страницам – они вцепились в края пергамента, как когти. Её лицо было обращено к двери, но глаза – те самые туманные, серебристые глаза – смотрели сквозь них, в точку за спиной Элиаса.

– Они чистые, – сказала она, и её голос был ровным, сухим, как шепот песка по стеклу. – Я прочитала эту книгу вчера. Там была история. О мальчике и волке. Я помню сюжет. Но слова... они ушли. Уплыли вниз по странице.

Элиас подошёл ближе. Он посмотрел на книгу.

Страницы были белыми. Не пустыми – чистыми, отбеленными, как только что выпавший снег. Но странное дело: когда он смотрел на них, он чувствовал, что *что-то* там было. Следы. Впадины в бумаге, где буквы оставили рельеф. Он провёл пальцем по поверхности и ощутил... историю. Но не

слова. Историю как тактильное ощущение – горечь, страх, развязку.

– Это не исчезновение чернил, – сказал Грифф, подходя к другой полке. Он вытащил том, принялся, потрогал корешок. – Это стирание *смысла*. Книги стали объектами. Они больше не рассказывают. Они просто... существуют.

Миру медленно подняла руку. На её запястье, под тонкой кожей, виднелись следы. Не шрамы. *Буквы*. Она вырезала их на себе ножом для пергамента, чтобы не забыть.

– Я написала своё имя, – показала она запястье, где кровь смешалась с чернилами. – Иначе я забуду, кто я. Уже начала забывать. «Миру» – это звук, который я помню, но не понимаю. Это просто шум губ.

Элиас сел напротив неё. Он попытался использовать свой дар – увидеть цвета её страха. Но аура Миру была белой. Не серебряной, как прежде. Белой, как стена в психиатрической лечебнице.

«Он не ест цвета», – прошептал Линзовщик из глубины его груди, голосом дрожащим, как у замерзающего. *«Он ест различие. Границу между значением и бессмыслицей. Он делает всё равным. Равным белому»*.

– Мне нужно прочесть, – сказал Элиас. Он взял со стола перо и чернила. – Я должен написать слово и посмотреть, исчезнет ли оно.

– Не рискуй, – Грифф схватил его за запястье. – Если ты забудешь, как писать, ты потеряешь последнюю связь с ре-

альностью.

– Я уже потерял, – хрипло ответил Элиас. – Я не помню, как называется цвет моего пальто. Я знаю, что оно... такое... но слово ушло.

Он опустил перо на чистый лист. Написал: «*Лили*».

Чернила блеснули. Они не впитались в бумагу. Они лежали сверху, тяжёлые, мокрые. И тогда произошло то, от чего у Элиаса мурашки побежали по спине, хотя он потерял способность именовать это ощущение.

Буквы начали двигаться.

Не расплывались. Они *ползли*, как черви, собираясь в центре страницы, образуя клубок. Затем, по одной, они начали исчезать – не стираться, а *впитываться* в бумагу. Но не как чернила. Как кровь. Лист пожелтел вокруг каждой буквы, словно протекал внутренним кровоизлиянием.

И когда последняя буква исчезла, Элиас почувствовал резкую боль в пальце.

На его указательном пальце, там, где он держал перо, появилась кровавая полоса. Тонкая, как бумажный порез. И он понял: книга не просто стирала слова. Она *обменивала* их. Забирала слово из мира и из тела пишущего, и давала взамен... что?

– Посмотри, – прошептала Миру.

На странице, где исчезло «*Лили*», проступил новый текст. Не его почерк. Другой. Тонкий, аккуратный, женский.

«*Папа, я здесь. Но я не помню твоё лицо. Помни меня за*

нас обоих».

Элиас вскрикнул. Не от боли. От узнавания.

Это был почерк Лили. Его дочь, умершая три года назад, писала ему из пустой страницы, используя его кровь как чернила.

– Это ловушка, – сказал Грифф, но его голос дрожал. Он тоже видел – или, точнее, чувствовал – текст. Его слепые глаза широко раскрылись. – Это не она. Это Хор. Он использует твою память как... как...

– Как словарь, – закончила Миру. Она подняла руку и коснулась страницы своими окровавленными пальцами. – Он не просто стирает язык. Он *переписывает* его. Он делает нас авторами собственного забвения.

В этот момент свеча на столе мигнула. Не погасла – *подпрыгнула*, и пламя стало белым, как снег за окном. Тень от пламени упала на стену, и Элиас увидел, что тень эта не от свечи.

На стене был силуэт хора. Множества голов, склонённых над книгами, которые они читали пустыми глазницами.

И они пели. Беззвучно. Но вибрация пронзала воздух, и Элиас почувствовал, как из его головы вырывается ещё одно слово.

Слово «любовь».

Оно ушло, и с ним ушло понимание, зачем он держится за этот мир.

– Бежим, – выдохнул он, хватая Миру за руку, чувствуя,

как кожа проскальзывает под его пальцами, становясь чужой, безымянной. – Пока мы ещё помним, зачем бежим.

Но когда они выбежали на улицу, они увидели, что снег теперь падал не вниз.

Он падал вверх, возвращаясь в серое небо, как слова, возвращающиеся к глотке, чтобы никогда не быть сказанными.

Глава 3. «Грехи отцов»

Снег падал вверх, и мир терял тяжесть слов.

Элиас шёл по улице, чувствуя, как асфальт под ногами становится всё более ненадёжным – не мокрым, но *лживым*. Каждый шаг отдавался эхом, которое приходило раньше самого удара, словно время путалось в собственных следах. Грифф шёл рядом, его трость стучала ритмом, который Элиас больше не мог назвать «стуком». Это был просто удар – без имени, без функции, лишь вибрация в белом шуме.

– Слова... – прохрипел Грифф, и его голос звучал как скрежет металла по стеклу. – Они не исчезают. Они... уходят *туда*.

Он указал вверх, к небу, где снежинки, игнорируя гравитацию, поднимались в серую пелену облаков, собираясь в нечто, напоминавшее страницу, перевернутую ветром.

«*В библиотеке*», – шепнул Линзовщик в груди Элиаса, голос сдавленный, дрожащий, как у ребёнка, прячущегося от грома. «*На полке за часами. Жёлтый переплёт. Там... там корни. Твой прадед знал. Он начал петь, не зная, что создаёт хор*».

Элиас не ответил мысленно. Он боялся, что любая мысль, сформулированная словами, будет услышана Хором и стёрта. Вместо он сжал кулак, почувствовал ногти, врезающиеся в ладонь, и использовал боль как якорь. *Боль* – это слово ещё

оставалось. Оно было красным, настоящим, осязаемым.

Квартира пахла не старостью, а *новизной*. Элиас, переступив порог, понял, что Хор побывал здесь. Не физически – концептуально. Книги на полках стояли ровными рядами, но их корешки были пустыми, обезличенными, как лица манекенов. На кухонном столе, где обычно лежала his остановленная карманные часы, теперь лежала стопка белой бумаги. Чистой. Написанной пустотой.

– Здесь безопасно? – спросила Миру, её голос был сухим, как шелест мумии.

Она прислонилась к дверному косяку, её пальцы скользили по вырезанным на предплечьях словам, которые она использовала как молитвенные чётки. Элиас видел следы – не шрамы, но *инвокации*, вырезанные на коже алфавитом боли: «Я», «Есть», «Помню».

– Нет, – ответил Элиас, и слово «нет» вырвалось из его гортани тяжело, словно кусок льда. – Но здесь есть... свидетель.

Он подошёл к книжному шкафу. Линзовщик указал на «жёлтый переплёт». Элиас нашёл его – не глазами, но руками. Кожа была горячей, несмотря на холод в комнате, и пульсировала под пальцами ритмом, несоответствующим его собственному сердцебиению.

Дневник прадеда, Эдварда Ворна.

Он открыл его. Страницы weren't пустыми. Они были *заполнены* – плотно, мелким почерком, таким мельчайшим, что буквы сливались в сплошную чёрную массу, напоминав-

шую радужку глаза. Но когда Элиас попытался прочесть, буквы... сдвинулись. Они не исчезли, как в «Белом Лемуре». Они *перестроились*, образуя новый текст, более древний, на языке, который Элиас не знал, но понимал телом.

Это был язык цветов. Не фигуративно. Буквально. Каждый символ был пигментом, каждое слово – спектром.

– Он писал о... – Грифф подошёл ближе, его пальцы нашли страницу, читая шрифт Брайля, который оказался выдавлен на обратной стороне пергамента. – О «Абсолютном Обозревателе». Он хотел создать существо, которое видит всё, что было, есть и будет. Без лжи, без интерпретации. Чистое знание.

– Он создал Порог, – прошептала Миру, её пальцы скользили по собственным шрамам. – Но Порог – это не дверь. Это... глаз. И глаз должен был смотреть в обе стороны. В наш мир и в Иное. Но в Ином нет слов. Там есть только... восприятие. Поток.

Элиас чувствовал, как в его голове строится понимание – не через слова, но через *структуру* страха Линзовщика, через дрожь его собственного дара. Белый Хор – это не чудовище. Это was метод. Метод познания, лишённый субъекта. Коллективный разум, который хотел поглотить все индивидуальные истории, чтобы превратить их в объективную библиотеку без читателей.

– Хор – это голос Порога, – сказал Элиас, и его голос sounded like breaking glass. – Это то, что видит, когда смот-

ришь слишком долго. Он не враг. Он... симптом. Он хочет, чтобы мы перестали быть «я». Чтобы стать просто... информацией.

На странице дневника, под слоем микроскопического текста, проступил рисунок. Не нарисованный – *выжженный* кислотой реальности. Четыре фигуры стояли вокруг круга. Четыре семьи. Но в центре круга стояла пятая фигура – безликая, с головой, разбитой на множество ртов. Хор.

И под рисунком было одно слово, написанное кровью, сохранившейся два столетия:

«Третий».

– Третий язык, – выдохнула Миру. Она схватила руку Элиаса, её пальцы были ледяными. – Он существует. Не словесный. Не зрительный. Тактильный. Язык кожи. Язык, который нельзя стереть, потому что он не записан – он *пережит*.

В этот момент окно в гостиной грянуло. Не разбилось – *запело*. Стекло вибрировало частотой, которая была цветом – ослепительно-белым, поглощающим все остальные оттенки.

На стекле проступил узор. Не трещины. *Ноты*. Ноты без звука, образующие контур лица. Лица Лили. Но глаза у него были закрыты, а рот широко раскрыт в немом крике или пении.

Она прижала ладони к стеклу изнутри. И Элиас понял, что стекло не отделяет его от улицы. Оно отделяет его от *внут-*

ренного пространства дома, которое теперь было больше, чем квартира. Пространство расширялось, поглощая комнаты, превращая стены в горизонт, а пол – в пропасть.

– Он здесь, – сказал Грифф, опускаясь на колени, его слепые глаза широко раскрыты. – Не снаружи. Внутри нас. В наших воспоминаниях о ней.

Лили на стекле открыла глаза. Их не было. Только белые зрачки, вращающиеся, как линзы старого Линзовщика. Она улыбнулась. И на губах у неё проступили слова, написанные инеем:

«Забудь меня, и я отпущу их».

Элиас сделал шаг к окну. Он знал, что должен выбрать. Или позволить Хору стереть Лили из его памяти, освободив её душу из плена пения, – и тогда он потеряет последнюю причину быть человеком. Или...

Он поднял руку и коснулся стекла не пальцами, а *лбом*.

– Ты не получишь её, – прошептал он, и его дыхание заморозило стекло, скрывая лицо дочери под слоем инея. – Я не буду забывать. Я буду помнить за всех.

Стекло треснуло. Не разбилось. Треснуло спиралью, образуя узор, похожий на человеческое ухо.

И сквозь трещину, из Иного, донёсся звук. Не пение. Ответ.

Тишина, наконец-то ставшая цветной.

Глава 4. «Слепая октава»

Грифф шёл первым, хотя и был слеп. Его трость стучала по мостовой не как палка по камню, а как молоточок по струне – каждый удар порождал в его черепе вспышку цвета, и он «видел» город иначе, чем когда-либо прежде. Раньше, до театра «Альбатрос», он воспринимал мир через эхо: серые стены, коричневые деревья, чёрные провалы дверей. Теперь, после того как Хор коснулся его сознания пением без слов, эхо обогатилось. Он видел *формы* за пределами формы.

Он видел звук.

И звук этот вёл его вниз, в Красный квартал, к местам, где воздух был тяжёлым от запаха дешёвого табака и ещё более дешёвой надежды. К подпольному клубу «Под Мольбертом».

– Это здесь, – сказал он Элиасу, останавливаясь у чёрной двери без номера. – Он играет. Восемь нот. Я слышу их... *цветом*. Первые три – жёлтые. Как старый пчелиный воск. Следующие две – синие. Холодные. А последние...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.